

Они поспешно вернулись домой, и едва вошли во двор, как к ним подбежала Цинь Баньбань. Задрвав голову, она тревожно посмотрела на них и торопливо спросила:

— Мама, брат Лю, вы получили деньги?

Цинь Жунши, сидевший во дворе с книгой, тоже поднял голову и внимательно посмотрел на них, ожидая ответа.

Лю Гуюй ничего не сказал, лишь погладил Баньбань по косичке и повернулся к Цуй Ланьфан:

— Мама, достань документы на землю.

Цуй Ланьфан сразу поняла, к чему он клонит, и поспешила в дом, а Лю Гуюй направился на кухню и взял две большие плитки коричневого сахара, аккуратно завернув их в промасленную бумагу. Это был тот самый сахар, оставшийся после приготовления бинфэня. Вообще-то он хотел приберечь его для дальнейшей торговли, но сейчас дело было важнее.

Когда он вышел во двор с сахаром, Цуй Ланьфан уже вернулась, держа в руках договор с красной печатью.

— Пошли к старосте!

Они направились к выходу. Увидев, что мать и Лю Гуюй уходят, Цинь Жунши вдруг закрыл книгу и сказал:

— Я тоже пойду.

Цинь Баньбань тут же бросилась за ними, и в итоге вся семья отправилась вместе.

Староста деревни жил богато. Его дом из серого кирпича с черепичной крышей считался одним из лучших в деревне, а вокруг двора возвышалась высокая стена. Во дворе росло старое финиковое дерево - огромное, раскидистое, с густой зелёной кроной. Несколько ветвей свешивались за стену, а среди листьев висели плоды - большие и маленькие.

— Староста дома? — крикнул Лю Гуюй, постучав в ворота.

Через некоторое время дверь открыл молодой мужчина - его звали Фан У, он был зятем старосты. У Чэнь Цяошэна была только одна дочь, которую он растил как сокровище и не захотел выдавать замуж в чужую семью, поэтому взял зятя в дом.

— Отец, к вам пришли, — крикнул Фан У внутрь.

Лю Гуюй заглянул в щель ворот и увидел: под финиковым деревом стоит бамбуковое кресло-качалка, а сам Чэнь Цяошэн развалился в нём, с удовольствием уплетая солёный арахис из большой тарелки.

Увидев гостей, он отложил арахис, неторопливо поднялся и с удивлением спросил:

— Из семьи Цинь? Что привело?

Лю Гуюй не стал сразу заводить разговор о земле. Вместо этого он протянул две плитки коричневого сахара и с улыбкой сказал:

— Слышал, у сестры Минь хорошие новости? Я принёс немного коричневого сахара - пусть потом заваривает воду во время послеродового отдыха.

Сестра Минь - это дочь Чэнь Цяошэна, Чэнь Минь. Староста уже больше десяти лет управлял деревней, и люди постоянно несли ему подарки: кто-то хотел подлизаться, кто-то попросить помощи. Чэнь Цяошэн был человеком тёртым и сразу понял: семья Цинь пришла не просто так. Но раз уж подарок уже принесли к порогу, отказываться тоже было не принято. Он похлопал Фан У по плечу и тихо сказал:

— А-У, убери это.

После чего снова широко улыбнулся гостям:

— Проходите, проходите, садитесь!

Он сам вынес из-под навеса две длинные скамейки, поставил их во дворе, затем протянул гостям тарелку с солёным арахисом и продолжил:

— Попробуйте, это моя А-Минь сварила, неплохо получилось!

Лю Гуюй без церемоний взял пару орешков, расколлот скорлупу и даже очень старательно похвалил вкус.

Но первым заговорил всё-таки Цинь Жунши. Он сидел прямо, колени сомкнуты, руки аккуратно сложены на них, спина ровная - серьёзный, словно маленький старичок.

— Староста, — спокойно сказал он, — мы пришли ещё и с одной просьбой.

«Так я и думал», — мысленно отметил Чэнь Цяошэн, но вслух лишь рассмеялся:

— Да что вы так церемонитесь! Мы ведь все из одной деревни. Раз я староста Шанхэ, значит, если смогу - обязательно помогу.

Цинь Жунши не стал отвечать сразу, а лишь бросил взгляд на Цуй Ланьфан. Та достала из-за пазухи договор на землю. Только после этого он продолжил:

— У нашей семьи было два му земли. Два года назад мы сдали их семье Чэнь, и договор тогда составлялся при вас. Но теперь семья Чэнь отказывается платить аренду. Мы уже приходили к ним сами, но ничего не добились, поэтому и вынуждены обратиться к вам.

Говорил он спокойно, чётко и по делу. Видя, что Жунши отлично справляется, Лю Гуюй решил не вмешиваться и лишь сидел сбоку, потихоньку щёлкая арахис.

Услышав, в чём дело, Чэнь Цяошэн нахмурился и, поглаживая бороду, с трудом произнёс:

— А-а... вот оно что. Тут, конечно, семья Чэнь неправа. Но есть поговорка: «Даже умелая хозяйка не сварит кашу без риса». Если у них действительно нет денег, то даже если я сам пойду требовать, откуда они их возьмут?

Цинь Жунши спокойно ответил:

— Это верно. Но есть и другая поговорка: «Помогают в беде, а не содержат бедность». Наша семья не богачи и не благодетели, чтобы бесконечно заниматься милосердием. Поэтому мы хотим забрать землю обратно. Сегодня мы пришли именно для того, чтобы расторгнуть договор аренды.

Только теперь Чэнь Цяошэн окончательно понял, к чему он клонит. Немного подумав, он кивнул - идея казалась разумной. Но всё же уточнил:

— Только землю вернуть? А аренду тогда не требуете?

Едва услышав это, Лю Гуюй даже перестал щёлкать арахис и сразу вмешался:

— Нет уж, так не пойдёт!

Разве это не значит просто отказаться от денег?

Чэнь Цяошэн снова оказался в затруднении. Такие споры в деревне случались постоянно, как староста, он не раз разбирал подобные дела. С одной стороны, дело вроде бы мелкое, а с другой - попробуй его реши. Семья Чэнь и правда бедна, а требовать с них деньги почти то же самое, что вынуждать продавать детей.

Пока он размышлял, Цинь Жунши снова заговорил первым:

— Денег у семьи Чэнь нет, но сейчас как раз время жатвы. На полях ведь есть урожай? Если вместо платы за аренду мы возьмём часть зерна - это допустимо?

Услышав это, Лю Гуюй тут же оживился, оказывается, Цинь Жунши подумал о том же, о чём и он сам!

Чэнь Цяошэн на миг опешил, а затем расхохотался:

— Хорошо, хорошо! Конечно, можно! Только жена Чэнь Гуйцая - баба скандальная. А если она упрётся и не уйдёт с поля, не даст вам жать рис, что тогда?

Как говорится, «бедный человек нередко бывает и отвратительным». Семья Чэнь жила бедно и жалко, но их бесстыдная, эгоистичная натура тоже вызывала неприязнь.

К тому же семья Чэнь была переселенцами - когда-то они пришли сюда как беженцы и получили землю благодаря помощи властей. Говорили, что сам уездный судья лично распорядился их поселить в Шанхэ. Из-за этого Чэнь Цяошэну, как старосте, было неудобно выгонять их - ещё скажут потом, что деревня не терпит переселенцев.

Цинь Жунши лишь слегка улыбнулся. На вопрос старосты он не ответил, а вместо этого поднялся и подошёл к Фан У, тихо сказав ему несколько слов:

— Старший брат Фан, у меня есть одна просьба...

Сначала Фан У выглядел растерянным, но чем дальше слушал, тем ярче становились его глаза. Наконец он восхищённо воскликнул:

— Ай-я! Ты ещё совсем мальчишка, а уже такие идеи! Вот что значит учёный человек!

Чэнь Цяошэн окончательно ничего не понял и развёл руками:

— Да что там такое?

Но ни один из них не ответил. Фан У лишь схватил медный гонг и выбежал из дома. Лю Гуюй тоже вскочил, подошёл к Цинь Жунши и тихо ткнул его локтем:

— И что за хитрость ты придумал?

— Пойдёшь - сам увидишь, — спокойно ответил тот.

У Лю Гуюя сразу загорелись глаза. Интерес пересилил даже любовь к арахису. Даже Цуй Ланьфан с Банбань вытянули шеи, с любопытством выглядывая наружу. Сам Чэнь Цяошэн тоже не усидел на месте - заложив руки за спину, поднялся и пробормотал:

— Пойдёмте посмотрим.

Когда они вышли, то увидели, как Фан У бежит по деревенской дороге, колотя в гонг и крича во всё горло:

— Эй, народ! Выходите, слушайте! Семье маленького учёного Цинь нужны двое крепких мужчин на жатву! Двадцать вэнь за день! Подходите!

Двадцать вэнь?!

Да в городе обычный подёнщик получает всего двадцать-тридцать вэнь в день - цена была отличная!

Люди тут же зашевелились: кто выбежал из дома, кто прямо из поля полез на дорогу, загалдели наперебой:

— Правда? И правда двадцать вэнь?

— Разве земля семьи Цинь не сдана в аренду?

— Я! Я пойду! Мы свой рис уже убрали, сейчас как раз свободны!

...

Два му земли семьи Цинь находились рядом, и обе делянки были хорошими, плодородными. Фан У остановился прямо на межевом валике, перестал бить в гонг и, уперев руки в бока, громко объявил:

— Раньше земля и правда была сдана! Но семья Чэнь не может выплатить аренду, поэтому только что у моего тестя расторгли договор! Денег у них нет, значит, расплатятся зерном!

Услышав это, люди сразу закивали, особенно те, кто недавно стоял у ворот семьи Чэнь и слышал весь разговор. К тому же говорил Фан У, зять старосты, а значит, его слова воспринимались как решение самого Чэнь Цяошэна.

Тут же посыпались крики: кто-то поднимал руку, кто-то перекрикивал других, желая наняться.

Сам Чэнь Гуйцай в это время ещё был в поле и резал рис. Услышав гонг, он сначала даже обрадовался - решил, что опять где-то шум и можно посмотреть. И только потом понял: шум-то как раз из-за него самого. Он так и застыл с серпом в руке - ни опустить, ни продолжить работать не мог.

Хромая, он поспешил к людям и растерянно спросил:

— Это... это что значит? Землю больше не сдаёте?

Но никто ему не ответил. Он попытался пробиться к Цуй Ланьфан - она всегда была самой мягкой, - но увидел, что её вместе с Лю Гуюем и остальными плотным кольцом окружили люди, и хромому человеку было не протолкнуться.

Следуя указаниям Цинь Жунши, Фан У выбрал двоих крепких, молодых и на вид честных мужчин.

В этот момент прибежала и Юй Чуньхун. Ещё издали она начала кричать:

— Что происходит?! Что это такое?!

Но подойдя ближе и увидев вокруг толпу, она тут же сбавила тон. Все обернулись к ней, а в центре стояли двое выбранных работников. Оба были моложе тридцати, крепкие, широкоплечие - бедро у каждого чуть ли не толще её талии.

Ещё минуту назад Юй Чуньхун была полна ярости, но теперь голос её сразу стал жалобным. Она вытянула лицо и заголосила:

— Да что вы делаете... что вы делаете... Этот урожай наш! По какому праву вы его трогаете?!

На этот раз Лю Гуюю даже не пришлось ничего говорить - первым ответил один из молодых работников. Он сердито бросил:

— Земля всё ещё принадлежит семье Цинь! Раз не платите, по какому праву её обрабатываете?!

Второй тут же подхватил:

— Вот именно! Землю вам дали, урожай тоже хотите забрать - где это видано?! Думаешь, если бедная, то тебе всё можно?

Юй Чуньхун поперхнулась от этих слов, а в следующую секунду просто плюхнулась на землю и

принялась кататься, завывая:

— Ой-ой... у нас и старики, и дети... ой-ой-ой...

Но, не успев толком разреветься, она вдруг заметила, что перед глазами потемнело. Подняла голову и увидела, как Лю Гуй просто перешагнул через её ноги.

Подойдя к двум мужчинам, он сказал:

— Можете начинать прямо сейчас. Уже после полудня, считайте как за полдня работы.

Услышав это, оба крепыша тут же забыли про перепалку с Юй Чуньхун, схватили серпы и полезли в поле. Юй Чуньхун увидела, что они и правда начали жать рис, вскочила и бросилась за ними. Выпятив зад, она попыталась усесться прямо посреди поля, решив, что если загородит дорогу собой, то работать они не смогут. Но оба мужчины были сильны как быки - один из них просто схватил её одной рукой и отшвырнул в сторону.

Юй Чуньхун шлёпнулась на землю и на мгновение остолбенела.

<http://bllate.org/book/17177/1634387>